

Е. Е. Нечвалода

**«EINE VORNEHME KIRGISIN» В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ
ЭКСПЕДИЦИИ И. П. ФАЛЬКА — ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ
ЗАУРАЛЬСКОЙ БАШКИРКИ XVIII В.**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу костюмного комплекса, изображенного на гравюре, иллюстрирующей материалы И. П. Фалька, руководителя одного из отрядов больших академических экспедиций. Изображение аннотировано как «знатная казашка», но головной убор и комплекс украшений не соответствуют традициям казахского женского костюма и не находят в нем прямых аналогий. Сравнительный анализ выявляет точные соответствия изображенных на «знатной казашке» И. П. Фалька украшений описаниям и изображениям башкирского женского костюма XVIII–XIX вв., его сохранившимся в музейных фондах образцам, материалам по этнографии башкир конца XIX — начала XX в. Ближайшими и непосредственными этнографическими прототипами изображенного убора и украшений являются элементы старинного башкирского костюма: массивное нагрудно-наспинное монетное украшение, подбородочное украшение в виде коралловой сетки и сложный головной убор, включающий головное полотенце (таҫтар), коралловый чепец с узкой и длинной наспинной лопастью (*кашмау*), высокая, зашита монетами шлемообразная шапка (*кәләпуш*). Перечисленные элементы костюма фиксировались в Зауралье, т.е. там, где пролегал маршрут экспедиции И. П. Фалька. На этом основании делается вывод, что на гравюре, аннотированной как «знатная казашка», представлено изображение зауральской башкирки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: академические экспедиции, визуальная антропология, И.П. Фальк, башкирская одежда XVIII в., зауральские башкиры

УДК 39(=512.141)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-209-217

НЕЧВАЛОДА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА — к.и.н., с.н.с. отдела этнографии, Институт этнологических исследований УФИЦ РАН (Россия, Уфа)

E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru

Восемнадцатый век — век самопознания Российской империи, ее открытия для себя и для мира (Головнёв, Киссер 2015: 60–66). Начало изучения народов России традиционно и вполне закономерно увязывается с деятельностью отрядов академических экспедиций XVIII в. Этнографические материалы, собранные ими — это приобретенные предметы традиционной культуры, описания народов, их графические изображения. Визуальное наследие экспедиций XVIII в. — источник, имеющий большое значение для историко-этнографических исследований и требующий внимательного анализа. Гравюры нуждаются в сопоставлении, с одной стороны, с синхронными описаниями и изображениями, немногими дошедшими до нас артефактами, а с другой — с этнографическими материалами по одежде конца XIX — начала XX в. (в связи с тем, что источники XVIII в. фрагментарны и не дают полной картины всего многообразия костюмных комплексов описываемых народов).

Большие многолетние экспедиции, маршруты которых охватывали значительные пространства России, в условиях XVIII в. требовали от участников немалых физических и душевных сил. И. П. Фальк был самым старшим из руководителей отрядов больших академических экспедиций: в 1768 г., когда он отправился по маршруту, ему исполнился 41 год. Нагрузки экспедиционных будней исследователь переносил с трудом. Желая оправдать возложенные на него надежды, он продолжал работать, пока в 1774 г. не прервал в Казани свои духовные и физические страдания выстрелом. После самоубийства И. П. Фалька его записи разбирал и готовил к печати И. Г. Георги (Носкова 2007: 1105; М. В. Ломоносов... 2011: 217). Материалы И. П. Фалька и чучельника его экспедиции Христофора Барданаса были опубликованы в Санкт-Петербурге на немецком языке через 11–12 лет после его смерти (Falk 1785–1786). В это издание вошли 26 листов раскрашенных гравюр, иллюстрирующих текст, которые были выполнены на основе экспедиционных рисунков. Среди гравюр шесть листов содержат изображения представителей различных этносов в традиционных костюмах. Иллюстрации к сочинению И. П. Фалька сделаны с натуры и, как показал ранее проведенный анализ некоторых из них, прорисовки традиционного костюма достоверны и этнографически точны (Нечвалода 2019). На них отражены многие мельчайшие детали декора и украшений традиционных костюмов, что особо важно при их этнографическом анализе. Точность и подробность рисунков являются заслугой художника экспедиции Петра Григорьева, который обучался «рисовальному художеству» и «гравировальному» в Рисовальной палате Петербургской академии наук (Стецкевич 2011: 198).

Изображения этнических типов в традиционных костюмах из сочинения И. П. Фалька репродуцировались крайне редко, при этом они не были проанализированы и сопровождаемы комментариями ученых-этнографов, до недавнего времени их практически не использовали в своих публикациях специалисты по традиционному костюму. Приходится сожалеть, что столь ценные изобразительные материалы, добытые исследователем такой дорогой ценой, до сего дня не введены в научный оборот. Необходимо вернуть долг ученому, у которого не было возможности аннотировать и комментировать иллюстрации к своему сочинению перед его публикацией, и тем самым предотвратить появление досадных ошибок, которые вкрались в аннотации к рисункам. Из шести графических таблиц с изображениями этнических типов, иллюстрирующих материалы Фалька, три были аннотированы неверно. Исправить эти ошибки — наш долг не только перед исследователем, но и перед наукой.

Среди шести графических таблиц с изображениями этнических типов в традиционных костюмах две гравюры аннотированы как изображения казашек: «Eine vornehme Kirgisin» («знатная казашка») и «Eine Kirgisin von gemeine Stande» («казашка среднего положения»). Облачение

«казашки среднего положения» отражает многие характерные для казахского женского костюма черты, что делает изображение узнаваемым. Костюм «знатной казашки», напротив, не соотносится с комплексами традиционной казахской одежды. При этом головной убор и нагрудно-наспинное украшение, изображенные на гравюре, имеют близкие аналоги в башкирском женском костюме XVIII–XIX вв. Они соотносятся как с синхронными описаниями, изображениями башкирского костюма, сделанными в ходе академических экспедиций, так и с артефактами XIX в.

Рассмотрим изображение «знатной казашки» подробнее. На голове у женщины головной убор, который имеет вид колпака с наспинной лопастью (спускающейся до лопаток), покрытого чешуеобразно расположенными нашивками (вероятно, монетами) и окантованного по краю красной полосой. Высота убора, если судить по изображению, приблизительно равна длине ладони или чуть больше. В казахском женском костюме существовал высокий головной убор *саукеле* (в составе свадебного комплекса), но казахский каркасный убор был значительно выше и имел иную форму и оформление.

В источниках XVIII–XIX вв. высокий женский головной убор башкир, надевавшийся поверх чепца из коралловых нитей с длинной наспинной лопастью (*кашмау*), упоминается под названием «калябаш». И. И. Лепехин описывал его так: «Головной убор, как и у татарок, называется кашпау; и вся разность состоит в том, что кроме сего кашпау надевается еще вершок, фигуру конуса имеющий, который по произволению складывать и накладывать можно...» (Лепехин 1822: 150). Авторы XIX в. описывают этот убор как шлемообразную, чешуйчато зашитую монетами шапку, имеющую наспинную лопасть: «Щегольской головной убор Башкирок есть калябаш или таляпуш; он состоит из шлемообразной чешуйчатой шапки с длинным и широким хвостом (булун или улун), сплошь унижается серебряными монетами, а хвост раковинами, разноцветным бисером и разного рода монетами» (Черемшанский 1859: 155). Н. Казанцев описывал его так: «Самый щегольской наряд Башкирок есть калябаш, шлемообразная чешуйчатая шапка, с длинным и широким хвостом, который унизан сплошь серебряными монетами» (Казанцев 1866: 26). Д. П. Никольский отмечал его дороговизну: «Калябаш — шлемообразная чешуйчатая шапка, сзади которой спускается длинный хвост, сплошь унизанный серебряными монетами разного достоинства, общая стоимость которых доходит иногда до 500–1000 руб.» (Никольский 1899: 55). На гравюрах XVIII в., иллюстрирующих сочинения П. С. Палласа и И. Г. Георги, на башкирках был изображен подобный шлемообразный головной убор.

Кэлэпуш был частью сложного многослойного головного убора, в тех же источниках указывалось на ношение *кэлэпуш* поверх другого башкирского убора *кашмау*, который, в свою очередь, надевался на полотенеобразный убор *таштар*. К началу XX в. *кэлэпуш* практически вышел из употребления. Сохранился единственный экземпляр этого убора, который был приобретен для Первой этнографической выставки 1867 г. в Москве и хранится в настоящее время в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге (№ 1334). Манеры его ношения позволяют представить фотографии 1866 г. из фототеки РЭМ (№ 8764–12439, 12466, 12467), на которых можно видеть башкирок в традиционной одежде с *кэлэпуш* на голове (Махмудов 2018: 217; Славяне Европы и народы России... 2008: 75). Этот экспонат РЭМ соответствует существующим описаниям и изображениям *кэлэпуш*. В передней части убор имеет по нижнему краю декоративную отделку из кораллов, по бокам спускаются вниз недлинные, зашитые кораллами полоски. Подобные детали можно видеть на изображениях башкирок XVIII в. (иллюстрациях к сочинениям П. С. Палласа и И. Г. Георги). Но на гравюрах нижний край головного убора доходит почти до бровей, а декоративная полоска на нем проходит не по нижнему краю, а довольно высоко надо лбом. Нижняя часть

изображенного убора — это видимая часть *кашмау*, а нижний край надетого сверху *кэлэпуш* (его коралловую кромку) на упомянутых гравюрах отмечает расположенная высоко надо лбом полоска. На фотографиях из РЭМ и на гравюрах XVIII в. запечатлен сложный головной убор башкирских женщин, состоящий из *кашмау* и надетого поверх него *кэлэпуш*.

Сравнение головного убора, изображенного на «знатной казашке» в материалах экспедиции И. П. Фалька, с описаниями, графическими и фотографическими изображениями башкирского головного убора *кэлэпуш*, с характеристиками единственного сохранившегося экземпляра показывает их очевидное сходство. Головной убор является знаковым элементом традиционного костюма, его характеристики важны для атрибуции всего комплекса. На «знатной казашке» изображен сложный головной убор башкирских женщин, включающий: 1) головное полотенце *тастар* (на гравюре его светлые, украшенные ромбическим орнаментом концы лежат на спине женщины); 2) надетый поверх него коралловый чепец *кашмау* (на изображении в ракурсе спереди видна лишь его налобная часть, а в ракурсе со спины — нижний край его длинной наспинной лопасти); 3) венчает весь комплекс *кэлэпуш*. На гравюре лопасть *кэлэпуш* не такая длинная и широкая, как у единственного сохранившегося экземпляра. Она по краю имеет красную кайму, которая на оригинале, как и на других башкирских украшениях, очевидно, была зашита кораллами.

Корпус изображенной женщины покрывает нагрудно-наспинное украшение. Судя по изображению, поверхность украшения была без просветов зашита монетами, а края обрамлены красной каймой (вероятно, были зашиты кораллами). Зашивка поверхности монетами и обрамление краев коралловой каймой были характерными чертами оформления башкирских нагрудных и наспинных украшений. Передняя часть изображенного украшения короткая (она закрывает только грудь), а задняя — длинная (она спускается до талии, закрывает всю спину, нижний край проходит ниже пояса). Посередине наспинной лопасти украшения проходит вертикальный ряд, выложенный крупными монетами (бляхами?). По сторонам от этого ряда и на небольшом расстоянии от него расположены выделяющиеся на фоне чешуеобразной зашивки монеты среднего размера, расположенные вертикальными линиями. Подобная композиция оформления изображенной на гравюре наспинной лопасти имеет точные параллели в декоре башкирских наспинных украшений: наспинника *иңһәлек* зауральских башкир и наспинных частей головных уборов *кэлэпуш* и *такья* (рис. 24, см. цветную вклейку).

У *кэлэпуш* из фондов РЭМ на осевой линии наспинной лопасти декоративные элементы большей частью утрачены, но широкая пустующая полоса-прогал по центру выдает их былое присутствие. Сохранившиеся на ней отдельные крупные ювелирные бляшки только подтверждают наше предположение о том, что утраченные украшения выделялись на фоне мелких монет своими размерами.

Нижний край изображенной на гравюре наспинной лопасти разделен на три участка. Подобным образом выглядел и нижний край башкирского женского наспинника *иңһәлек*, имевшего устойчивую композицию декоративного оформления. Гравер достоверно точно изобразил обрамление краев зашитого монетами наспинника красной каймой (очевидно, у оригинала она была зашита кораллами). Эта деталь отделки была характерна для башкирских украшений. Но *иңһәлек* носили в комплексе с нагрудником *яга*, характеристики которого (форма, размер и композиция расположения кораллов и монет) не соответствуют изображенной на гравюре нагрудной части этого украшения. Аналогом изображенному элементу костюма является иное нагрудно-наспинное украшение зауральских башкир, которое уже к началу XX в. вышло из употребления. С. И. Руденко удалось приобрести на восточном склоне Урала у барын-табынцев лишь холщевую основу этого

украшения и зафиксировать ее название — *киндер такья*. С. И. Руденко описал особенности его отделки: края украшения некогда обрамляла полоска нашитых кораллов, а поверхность была зашита копейками, «...а между копейками были вшиты в несколько рядов старинные рубли и полтинники» (Руденко 2006: 159). Внимательно изучив приобретенную основу украшения, ее форму, С. И. Руденко пришел к выводу, что «это носилось короткой полосой на груди и более широкой сзади, причем вырез на спине прикрывался лопастью, спускавшейся от головного убора <...>. В таком случае вышеописанное украшение могло носиться вместе со старинным *башкейем*» (Руденко 2006: 159). По форме и манере ношения нагрудно-наспинное украшение «знатной казашки» соответствует башкирскому (*киндер такья*): на изображении нагрудная часть украшения короткая, а наспинная — длинная; украшение на гравюре имеет характерный глубокий вырез на спине, который, как и предполагал С. И. Руденко, прикрывается лопастью головного убора. Сказанное убеждает нас в том, что на рассматриваемой гравюре зафиксировано старинное украшение башкирских женщин *киндер такья*. Это единственное его изображение. С этим украшением сходен комплект из соединенных на плечах нагрудника *яга* и наспинника *иңһәлек*, который бытовал у зауральских башкир (Шитова 1995: 106, 170; 2006: 8, 11). Он оставался в быту в течение XX в., а сохранившиеся образцы используются и в настоящее время на праздниках.

Показательно, что все элементы башкирского костюма, сопоставимые с изображенным наспинно-нагрудным украшением, локализовались в Зауралье.

Зашитые монетами и кораллами наспинные украшения *иңһәлек* бытовали исключительно в Зауралье, убор *кәләпүш* с длинной и широкой наспинной лопастью поступил на Первую этнографическую выставку из Челябинского уезда Оренбургской губернии, наспинник шапочки *такья* С. И. Руденко приобрел у зауральских куваканцев, а холщовую основу старинного украшения *киндер такья* — у барын-табынцев. Наспинные монетно-коралловые украшения являлись характерным элементом зауральского костюмного комплекса башкир: «По Сибирской дороге кочующие <...> кроме задней от кашпау лопасти (кашпау кайрюк) опускают во всю спину широкую лопасть, унизанную также серебряными копейками и бисером с многими подвязками» (Лепехин 1822: 151).

На изображении «знатной казашки» овал ее лица снизу обрамляет украшение в виде сетки красного цвета. У зауральских башкир подбородочные коралловые сетки (*һағалдырык*) являлись широко распространенным украшением.

Подводя итог, можем утверждать, что костюм «знатной казашки» близок по своим характеристикам (составу, манере ношения, особенностям декорирования) зауральскому комплексу башкирского женского костюма: на голове — головное полотенце с декорированными концами (они ясно читаются в ракурсе со спины), поверх него надет убор *кашмау* (виден нижний край длинного «хвоста»), а поверх *кашмау* — шлемообразный с чешуйчатой зашивкой мелкими монетами *кәләпүш* (*башкейем*); на плечах — нагрудно-наспинное украшение с такой же чешуйчатой зашивкой монетами, лицо по нижнему краю обрамляет коралловая сетка. Все перечисленные предметы одежды и украшений присутствовали в составе женского башкирского костюма, бытовавшего в Зауралье. Вышесказанное убеждает нас в том, что изображение «знатной казашки» было аннотировано неверно, в основе этой гравюры лежал экспедиционный натурный рисунок, сделанный Петром Григорьевым не с казашки, а с башкирки, на нем представлен архаичный вариант зауральского комплекса башкирского женского костюма. Этот вывод подтверждает оставленное И. П. Фальком описание башкирского женского головного убора и украшения. Оно не соответствует убранству «башкирки», точнее типажу в иллюстрациях к его материалам, аннотированному как «Eine

Baschkirin im Sommer Anzuge» (Falk 1786; В. 2, Tab. XXXV), но идеально дополняет подробно рассмотренное в статье изображение «Eine vornehme Kirgisin» («знатной казашки»), с которым они совпадают как описание и иллюстрация к нему, как визуальный и вербальный тексты, воссоздающие единый образ. И. П. Фальк писал о башкирках: «На шее носят косынки, голову, лоб и щеки покрывают шапкою с висящею позади лопастью» (Киссер 2016: 56). «Косынка» на шее башкирских женщин упоминалась также И. Г. Георги: «Шею и грудь покрывает косынка (дюлбега¹), выложенная чешуйчато монетами; иногда же делается она и решетчато из бисеру и раковин» (Георги 2005: 214). «Косынка» — башкирское подбородочное украшение в виде коралловой сетки, которое уже упоминалось ранее и которое присутствует в подробно рассмотренном нами костюме «знатной казашки».

В аннотациях к гравюрам в материалах экспедиции И. П. Фалька обозначение зауральского комплекса башкирского женского костюма как казахского не единственная ошибка. Как «башкирка» («Eine Baschkirin im Sommer Anzuge» — «башкирка в летнем костюме», Tab. XXXV) и «мишарка» («Eine Metscherjakin in Sommerskleidung» — «мещерячка в летней одежде», Tab. XXXVI) подписаны изображения различных вариантов удмуртского женского костюма (Нечвалода 2019). Путаница и вкрапшиеся ошибки объяснимы, видимо, тем, что рукопись к публикации готовил не ее автор.

Сравнивая изображение зауральской башкирки с синхронными по времени изображениями башкирок в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги, следует отметить не только сходные черты, но и очевидные различия (рис. 25, см. цветную вклейку). Башкирки П. С. Палласа и И. Г. Георги, как было отмечено выше, имеют на плечах сетку-пелерину. Очевидно, в сравниваемых изображениях XVIII в. нашли отражение особенности локальных комплексов башкирского женского костюма. П. С. Паллас, возглавлявший один из отрядов Оренбургской экспедиции, в 1769 г. продвигаясь из Оренбурга в Уфу, посетил Приуралье. На территории Приуралья работал и И. Г. Георги. Но И. П. Фальк, двигаясь в 1771 г. из оренбургских степей на север, проехал по восточным склонам Южного Урала и далее через Зауралье в Сибирь. Маршрут его экспедиции обошел территорию современной Башкирии с юга и востока, а на обратном пути в 1772 г. через Екатеринбург и Пермь в Казань — с севера и запада. И. П. Фальк в описании Уфимской провинции отметил: «Я мало путешествовал по сей Оренбургской провинции...» (Записки... 1824: 255). Маршруты академических экспедиций давали возможность И. П. Фальку увидеть и зафиксировать башкирскую женскую одежду, бытовавшую в Зауралье, а П. С. Палласу и И. Г. Георги — ее приуральский вариант. Очевидные различия в одежде башкирок, изображенных на гравюрах XVIII в., отражают, по всей видимости, существовавшие 250 лет назад локальные комплексы в старинном башкирском женском костюме.

В заключение необходимо обратиться к вопросу о степени достоверности изобразительных материалов XVIII в. и возможности их использования в качестве историко-этнографического источника. В отечественной литературе вслед за авторитетнейшим этнографом Т. А. Крюковой, скептически оценивавшей возможности этого источника, считавшей, что иллюстрации в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги — это «вольное воспроизведение подлинников художником», утвердилось к нему весьма осторожное отношение. По мнению Е. А. Вишленковой, «графические типы естествоиспытателей не были точной проекцией реальности даже на уровне эскиза», и, видимо, поэтому автор считает, что «ни художественной, ни научной ценности гравюры не имеют» (Вишленкова 2011: 43, 62). С этим утверждением невозможно согласиться. Опыт работы

¹ Дюлбега (башк.) — вожжи.

с ранними визуальными материалами (Нечвалода 2014; 2016; 2019а; Никонорова 1997), в частности с гравюрами в сочинении И. П. Фалька (Нечвалода 2019), приводит нас к выводу, что изображения в трудах путешественников — это несправедливо обделенный вниманием этнографов ценнейший источник, потенциал которого пока не реализован.

В исследованиях традиционного костюма XVIII в. с ним не может сравниться по своей информативности никакой другой: артефакты в музейных фондах единичны, описания слишком общи. Только изображениям при всей их условности под силу воссоздать целостный образ костюма: его состав, манеру ношения предметов, локальные и половозрастные различия, отчасти крой и декор. Изображения этнических типов позволяют не только узнавать известные по материалам XIX–XX вв. предметы костюма, но и получать новое знание об исчезнувших архаичных формах традиционной одежды, уточнять и время сложения локальных различий, и ареалы бытования в прошлом тех или иных комплексов. Художники академических экспедиций, снабженные инструкциями и требованиями руководителей, стремились весьма подробно, фотографически точно воспроизвести все особенности фиксируемых в зарисовках объектов: формы соцветий и листьев растений, окраса животных, оперения птиц и т. д. Народы России были для участников экспедиций частью ландшафта (как и растения, животные, архитектурные памятники). Сбор информации о народах был включен в единый проект, который осуществляли ученые-натуралисты (сам И. П. Фальк был одним из «апостолов» К. Линнея) и задачей которого были выявление и фиксация всего многообразия биологических видов в природе и этнических культур в социуме России. Проводился он по единой методике — описание, изображение. Художники академических экспедиций, передавая специфику одежды каждого народа, ее детали и украшения, как и при изображении растений, птиц и животных, ставили перед собой задачу точно воспроизвести натуру. Выполненные ими зарисовки могли быть весьма «точной проекцией реальности». Недостоверными могли быть аннотации. По этой причине гравюры с изображением этнических типов, иллюстрировавшие материалы экспедиций XVIII в., прежде чем стать полноценным историческим источником, должны стать объектом внимательного этнографического анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г.* Народное искусство башкир. Л., 1968.
- Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет: альбом-каталог / сост. Н. Г. Рутто. Уфа, 2006.
- Вишленкова Е.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.
- Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обычаев, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2005.
- Головнёв А. В., Киссер Т. С.* Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 59–69.
- Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6.
- Казанцев Н.* Описание Башкирцев. СПб., 1866.
- Киссер Т. С.* Путешествие И. П. Фалька и И. Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 53–60.

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям государства Российского. Ч. 2, 3 // Лепехин И. И. Полное собрание путешествий по России. СПб., 1822. Т. 3, 4.

М. В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века: альбом / сост. О. А. Александровская, В. А. Широкова, О. С. Романова, Н. А. Озерова. М., 2011.

Махмудов А. Р. Башкирские женские головные уборы: такья, кашмау, каляба // Этнос. Общество. Цивилизация. V Кузеевские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 214–218.

Нечвалода Е. Е. Башкирские украшения конца XVIII в. по изобразительным материалам больших академических экспедиций // Этногенез. История. Культура. II Юсуповские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. Уфа, 2014. С. 189–197.

Нечвалода Е. Е. Изображение удмуртки и марийки в альбоме Августина Мейерберга (историко-этнографический анализ графического источника) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 125–140.

Нечвалода Е. Е. Изображения удмуртского женского костюма XVIII века в книге И. П. Фалька: опыт этнографической интерпретации и атрибуции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 1. С. 119–126.

Нечвалода Е. Е. Традиционная женская одежда удмуртов в материалах экспедиции Шапп де'Отроша // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019а. Т. 13, вып. 1. С. 101–108.

Никольский Д. П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

Никонорова Е. Е. О некоторых особенностях башкирского женского костюма XVIII–XIX веков // Башкирский край. Вып. 7. Уфа, 1997. С. 42–57.

Носкова О. Л. Иоганн Петер Фальк — последователь Карла Линнея в России // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. Т. 9, вып. 4. С. 1103–1106.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1788.

Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.

Славяне Европы и народы России. К 140-летию первой этнографической выставки 1867 года: каталог выставки. СПб., 2008.

Стецкевич Е. С. Рисовальная палата Петербургской Академии наук (1724–1766). СПб., 2011.

Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

Шитова С. Н. Башкирские нагрудники и наспинники из кораллов и монет // Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет: альбом-каталог / сост. Н. Г. Рутто. Уфа, 2006. С. 6–15.

Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. Уфа, 1995.

Falk J. P. Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. St. Petersburg: gedruckt bey der Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1785–1786. Bd. 1–3.

**«EINE VORNEHME KIRGISIN» IN THE ILLUSTRATIONS
OF THE EXPEDITION OF I.P. FALK: THE VISUAL IMAGE
OF TRANSURAL BASHKIR WOMAN IN THE EIGHTEENTH CENTURY**

ABSTRACT. The article presents an analysis of the costume set depicted on the print which illustrates the materials of I. P. Falk, the head of one of the big academic expeditions. The image is annotated as a “noble Kazakh lady”, but the headdress and jewelry do not correspond to the traditions of Kazakh women’s costume and do not find parallels in it. The comparative analysis reveals that jewelry depicted on the Falk’s “noble Kazakh lady” corresponds to the descriptions and images of eighteenth and nineteenth-century Bashkir women’s costume, the items preserved in museum collections and the ethnographic data on Bashkirs dating back to the late nineteenth — early twentieth centuries. The closest prototypes for the headdress and jewelry depicted on the print are the elements of the old Bashkir costume: massive coin ornament covering both chest and back, chin decoration in the form of a coral net and a complex headdress which includes head towel (*tastar*), coral cap with a long and narrow back element (*kashmau*) and high helmet-shaped hat covered with coins (*kelepush*). The enlisted elements were documented in the Transurals where the way of Falk’s expedition passed. This brings me to the conclusion that print annotated as a “noble Kazakh lady” depicts a Transural Bashkir woman.

KEYWORDS: academic expeditions, visual anthropology, I. P. Falk, eighteenth-century Bashkir clothes, Transural Bashkirs

ELENA E. NECHVALODA — R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ufa)

E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru